

использование просторечной и стилистически окрашенной лексики, личностная оценка рассказчиком словоупотребления взрослых. Таким образом, речевой облик молодого героя становится важной составной частью всей структуры повествования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М., 1990.
2. Виноградов В. В. О теории художественной речи. М., 1971.
3. Гвоздев А. Н. От первых слов до первого класса. Дневник научных наблюдений. Саратов, 1981.
4. Гридина Т. А. Проблемы изучения народной этимологии: Учебн. пособие. Свердловск, 1989.
5. Мотяшев И. Воспитание чувств // Роман-газета. 1980. № 11.
6. Николина Н. А. Структура повествования в автобиографической прозе // Русский язык в школе. 1986. № 4.
7. Цейтлин С. Н. Речевые ошибки и их предупреждение. М., 1982.
8. Чудинов А. П. Типология варьирования глагольной семантики. Свердловск, 1988.

Функциональная семантика слова. Екатеринбург, 1994

Н. А. ИЛЮХИНА
Самарский университет

ОБ ОДНОЙ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ («лошадиные» метафоры)

Рассматриваются устойчивые метафорические комплексы, обобщающие наиболее существенные, социально значимые представления о лошади, анализируется специфика регулярной метафорической модели «животное — человек».

Описание механизма полисемии в настоящее время ведется в разных аспектах, в том числе в плане выявления картины регулярной многозначности на материале различных типов лексических объединений. М. М. Покровский писал, что «семиологический процесс распространяется на целые категории слов» и «история значений известного слова будет для нее только тогда понятной, когда мы будем изучать это слово в связи с другими словами, синонимическими с ним и, главное, *принадлежащими к одному и тому же кругу представлений*» (выделено нами.— Н. И.) [2, с. 75]. Данный принцип приложим не только к этимологическим разысканиям, но и к анализу фактов современного языка и может быть использован при рассмотрении семантического диапазона слова на более широком лексическом фоне. В этой связи нами предлагается взгляд на полисемию в рамках ассоциативно-семантического поля, т. е. лексического массива, объединенного общим эмпирическим образом и комплексом интеллектуальных и эмоционально-оценочных представлений.

В составе общеизвестной метафоры «животное — человек» в качестве модификации выделяется метафорический комплекс «лошадь — человек». Очень часто он реализуется в рамках более частной разновидности «запряженная лошадь — несвободный в каком-либо отношении человек» и характеризует лицо прежде всего в социальных связях, которые ограничивают свободу деятельности, ставят в отношения подчинения, зависимости, необходимости. Например: *По сути, Гайдар покаялся в том, что слишком рано опустил вожжи «государственного регулирования», опрометчиво понадеявшись на рыночные стимулы* (С. Разин); *К. Федин отрицает какую бы то ни было возможность и необходимость вмешательства каких бы то ни было сил, «понукающих», по его определению, замкнутый мир деревенской культуры* (Н. Рымарь); *в соннице людском я был как лошадь, загнанная в мыле, прищипоренная смелым ездоком* (С. Есенин); *Он ...видя кровавый разгул в стране начал править Алексея на военную стезю, наверное, полагал мудрый старик, что уж военных-то, силу свою и мощь, большевики подрывать не будут...* (В. Астафьев).

Прежде всего отметим, что коррелирующие между собой ключевые лексемы рассматриваемого поля *лошадь*, *конь* и *кляча* обладают несовпадающими семантико-ассоциативными связями. Наиболее противопоставлены слова *конь* и *кляча*: с первой из них ассоциируются представления об изначально свободном, сильном существе (типичные контексты — *необузданный, прищипорить, встать на дыбы, закусить удила* и т. п.), со второй — представления о существе измученном, обремененном, привыкшем к несвободному положению (типичные контексты — *загнанная, заезженная, впрячь, хомут, понукать* и т. п.). Указанные закономерности обнаруживаются при употреблении слов *конь* и *кляча* как в основном, так и в переносном значениях.

Наблюдения показывают, что рассматриваемый метафорический образ сравнительно редко эксплицируется непосредственно словами *лошадь*, *конь*, *кляча* в составе собственно метафорической или сравнительной конструкции. Чаще всего указанный образ воплощается через названия частных атрибутов этого денотата — элементов упряжи, процессов запрягания, управления, что вполне обеспечивает узнаваемость образа и репрезентирует тот же общий категориальный смысл.

Как уже указывалось, образ запряженной лошади используется для характеристики человека прежде всего в аспекте социальных связей в различных конкретных сферах его жизнедеятельности.

В одних случаях рассматриваемый метафорический образ отражает отношения народа и «власти» — политический, идеологический и государственный диктат. Ср.: *Но явится какой-нибудь могучий человек, который укротит анархию и твердо*

зажмет в своем кулаке бразды правления (И. Бунин); Он тщетно пытается обуздать народ и всю страну циркулярами, параграфами... придав всему хоть какой-то порядок (Л. Новиков); Складывается впечатление, что готовится ей [культуре] новая узда, на этот раз не классовая, а национальная (Л. Никитина).

В других случаях метафорический комплекс «человек» — «лошадь» используется по отношению к межличностным связям человека с целью отразить его подчиненное положение в рамках должностной иерархии, внутрисемейных отношений и других видов зависимости. Ср.: Когда я заговорил про француза, он вдруг осадил меня и строго спросил... (Ф. Достоевский); Это был неосновательный, ненадежный мужик, и, быть может, если бы она [жена] не понукала его постоянно, то он не работал бы вовсе (А. Чехов); Выделив прибавку одной части рабочих, владелец выиграл, внеся элемент зависти и подхлестнув к повышению производительности остальных (В. Вишневский). Для отражения подобных ситуаций нередко используется прием «раздвоения субъекта», который выражается в субстантивной номинации состояний лица как самостоятельных сущностей, ср.: А мой Копейкин, — голод-то, знаете, пришпорил его (Н. Гоголь).

Метафорический комплекс «человек» — «лошадь» нередко используется по отношению к моральным нормам как сдерживающему, ограничивающему началу, по отношению к тяготящим человека повседневным обязанностям. Ср.: И он стал размышлять об этом, в первый раз за свою жизнь отпустив моральные вожжи... Во имя каких таких святынь проколесил ты, голубчик, по жизни на натянутых вожжах? Считал себя порядочным человеком, принадлежал к порядочному обществу (А. Толстой); Поплакала я [выходя замуж за многодетного человека.—Н. И.] да и потянула воз, богом мне определенный (В. Астафьев). Вблизи была Обломовка; там вечный праздник! Там сбывают с плеч работу, как иго¹, там барин не встает с зарей и не ходит по фабрикам... (И. Гончаров).

Рассматриваемый лексико-семантический комплекс может быть интерпретирован как метафорическая категория, которая обладает обобщенным значением, реализующимся в комплексе частных разновидностей, и системой средств выражения — словами разных частей речи, разных лексико-семантических и тематических групп, связанных между собой и с ключевым словом ассоциативными отношениями, объединяющимися общим

¹ В современном русском языке за лексемой *иго* закрепились только вторичная — типичная для всего данного метафорического комплекса — функция выражения идеи несвободы, гнета, тягот (см., например, [4, с. 115—116]).

эмпирическим образом и тем обобщенным типовым значением, которое с ним связано.

Данная метафорическая категория воплощается в языке на базе ассоциативно-семантического поля, лексический состав которого, имеющий разную категориальную природу и денотативную отнесенность, обуславливает возможность структурирования типовых ситуаций и их разновидностей. Рассмотрим некоторые из основных аспектов семантической структуры данной метафоры.

Ключевая лексема *лошадь* и ее корреляты *конь* и *кляча* способны актуализировать широкий комплекс смыслов, ассоциирующихся с образом в целом и характеризующих лицо. Прежде всего, это «несвобода в каком-либо отношении», «принуждаемость», «обремененность обязанностями», «физическая выносливость», «включенность в тяжелый однообразный труд», «изношенность постоянным трудом, тяготами» и др. В реализации подобных смыслов наряду с ключевым словом участвуют самые разные лексические средства этого поля. Ср.: *Дуня нанялась батрачкой к богатому куркулю, и ее заездили тяжелой работой* (Ф. Гладков); *Говорят, что Горький потом отказался от собственного взгляда на интеллигенцию как на ломовую лошадь истории, я остаюсь при его прежнем мнении* (Ю. Крелин); *Чего-ж не поела-то? Дорогой свалилась бы...— Да я отколупнула корочку, пососала и дотащилась вот, слава богу. Я что? Я— ломовой конь* (В. Астафьев). Ряд этих смыслов заключают в себе и пословицы *Укатали Сивку крутые горки; Укатали Савраску горы да овражки* и др.

Актуальные смыслы и эмоциональные оценки, выражаемые лексемами *лошадь*, *конь*, *кляча*, оказываются близкими при их употреблении и в прямом, и в переносном (см. выше) значениях, и в составе сравнительной конструкции. Ср.: *Он тянул все эти устои, как лошадь воз, хотя без понукания, но и без всякой охоты. Уставщика из сына не получалось...* (В. Астафьев); *И по сию пору, когда я гляжу на рабочую конягу, мне вспоминается покойный дедушка Илья Евграфович...* (В. Астафьев).

Глаголы *запрячь*, *обуздать*, *захомутать*, *зашорить*, *стреножить* и др. с разным акцентом передают общую идею установления ограничения, часто связанного с подчинением данного лица кому-либо или чему-либо.

Лексемы *обуздать*, *взнуздать*, сочетание *надеть узду* эксплицируют смысл «ограничить поведение, развитие лица», например: *Это быстро надоело Рудаеву, и он решил обуздать отца* (В. Попов); *Некрасов усвоил такую манеру: едва поставив в правительстве требование к военному министру, спешит тотчас опубликовать его и в газетах: обуздайте ваших солдат на моих железных дорогах...* (А. Солженицын); *Не менее пугает русскую интеллигенцию неизбежное стремление русских же ее*

оппонентов надеть на культуру ту или иную узду (Л. Никитинский).

Сочетание *держать в узде* означает «распространять несвободное состояние на некоторый промежуток времени». Ср.: *Оторвав Гитлера от Папена, Шлейхер рассчитывал в этом случае держать Гитлера в узде* (С. Маслов). Противоположное значение «снять, устранить ограничения» передают глаголы *разнуздать, разнуздаться*, сочетание *снять узду*, например: *Погромы и грабежи разнуздали мамонтовцев настолько, что казаки перестали внимать приказам Мамонтова* (К. Федин).

Лексема *стреножить* чаще всего символизирует предельное ограничение кого-либо в его жизнедеятельности. Ср.: *Нельзя уверенно шагать в завтра, будучи стреноженным иллюзиями и предрассудками прошлого...* (Н. Потапов). Лексема *запрячь, впрячь, припрячь* означают установление ограничений, которые связаны с выполнением лицом какой-либо обязанности, роли, например: *Токарь Жук лодырничает. Надо запрячь его в работу* (Ф. Гладков); *...обратили в лошадь добродетельного человека, и нет писателя, который бы не ездил на нем, понукая и кнутом, и всем чем ни попало... Нет, пора наконец припрячь и подлеца* [о Чичикове] (Н. Гоголь).

Лексема *хомутать* и производные *охомутать, нахомутать, захомутать*, а также сочетание *надеть хомут* передают значение «облечь кого-либо обязанностями, навязать определенную роль, которые оцениваются как обременительные для лица и ограничивают его свободу», например: *Возмущенные яростным докладом Стеклова, правые в ИК в час ночи собрались назначить противоположного содокладчика — и на кого же нахомутать? — на Гиммера!* (А. Солженицын).

Лексема *оседлать* означает «поставить кого-либо в личное подчинение, которое выражается в откровенно доминирующем положении одного по отношению к другому», например: *Колязин умел вести собственные дела: тут уж никто не мог его оседлать* (И. Тургенев); — *Куда он денется, ваш комбат! Его начштаба крепко оседлал* (А. Чаковский).

Глагол *зашорить* и его производные также связаны с передачей идеи ограничения, однако в специфическом ее аспекте — как ограничения полноты восприятия какой-либо ситуации, создания искусственной узости в представлениях о чем-либо, например: *Пост идеологического работника зашорил ее в отношениях с молодежью* (В. Иванов).

Другая глагольная семантическая парадигма связана с передачей идей принуждения лица в условиях его подчиненного положения: побуждения его либо к осуществлению какого-либо действия (*понукать, пришпорить, подхлестнуть, подстегнуть, поднять на дыбы* и др.), либо напротив, к прекращению действия или определенного поведения (*осадить*).

Лексема *понука́ть* характеризует побуждение к действию лица, не испытывающего собственных потребностей в его осуществлении, неохотно выполняющего свои обязанности, например: — *Скорее! Скорее! Скорее!* — *понукал я без конца своего возницу* (М. Морозов); *Работали, понукая друг дружку...* (В. Астафьев).

Лексемы *подхлестнуть*, *подстегнуть*, *пришпорить* выражают идею более категоричного и эффективного насильственного воздействия с целью принуждения к осуществлению действия, его ускорения, например: *Но статья подстегнула меня. Теперь я должен был действовать* (В. Каверин); *Не знали вы, что в сонмище людском я был как лошадь, загнанная в мыле, Пришпоренная смелым ездоком* (С. Есенин). Лексема *нахлестывать* указывает на многократность воздействия, ведущего к постоянному содержанию лица в состоянии напряжения.

Лексема *осадить* передает принудительное воздействие с целью прекращения выполняемого действия, например: *...такую резолюцию... выгодно используют против нас. Пойдут толки, что мы — в союзе с Вильгельмом и Германия транспортирует к нам революционеров в своих целях. (Косвенно он так и Ленина осадил.)* (А. Солженицын).

Особняком стоит сочетание *поднять на дыбы*, передающее идею принудительного воздействия к определенному поведению, которое сопровождается сопротивлением со стороны принуждаемого, например: *О мощный властелин судьбы! Не так ли ты над самой бездной, На высоте, уздой железной Россию поднял на дыбы?* (А. Пушкин).

Ряд глагольных сочетаний образуют парадигму с общим значением «тип поведения в условиях принуждения». В рамках этой парадигмы по признаку «наличие / отсутствие сопротивления в ответ на принуждение» противопоставлены следующие выражения: с одной стороны, *идти на поводу*, с другой — *встать на дыбы* и *закусить удила*. Первое сочетание характеризует покорное поведение лица в ситуации подчинения, указывает на отсутствие с его стороны какого-либо сопротивления, например: *Борисов собрал комсомольское бюро и спросил — до каких пор они намерены идти на поводу у таких, как Морозов* (Д. Гранин); *Только ты имей в виду, Дом покину, а не буду у тебя на поводу* (А. Яшин).

Сочетания *встать на дыбы* и *закусить удила* характеризуют лицо, которое сопротивляется воле подчиняющего и стремится к освобождению от зависимости, навязывания чужой воли, например: — *Отчего это во всех москвичах... есть что-то резкое. Что-то они все на дыбы становятся, сердятся* (Л. Толстой). Здесь сочетание *встать на дыбы* означает активное сопротивление предлагаемой перспективе. Сочетание *закусить удила* указывает на сопротивление, которое основано на желании избавления (хотя бы временном) от подчинения, получения

некоторой свободы поведения для реализации собственных устремлений.

Особое внимание следует уделить лексической микропарадигме, указывающей на наличие/отсутствие ограничений в поведении какого-либо лица: *необузданный* — *обузданный* — *разнузданный*. Лексема *обузданный* характеризует лицо, которое, будучи изначально свободным, в данном случае ограничено чем-либо в проявлении своих устремлений. Лексемы *необузданный* и *разнузданный* характеризуют человека, на которого не распространяются какие-либо ограничения (ср. также сочетание *саврас без узды*), например: *Страшна и необузданна была она в гневе* (Г. Марков); *Лара-Ларский был бесстыднее, разнузданнее, пошлее и самоувереннее всех остальных* (А. Куприн).

В то же время слова *необузданный* и *разнузданный* противопоставлены друг другу, и прежде всего в оценочном плане. Лексема *необузданный* обозначает тип поведения человека, руководствующегося внутренними импульсами и не привыкшего к регулированию поведения извне, иногда может символизировать также естественное свободное поведение, тогда как лексема *разнузданный* характеризует лицо, которое может регулировать свое поведение, но нередко переходит общепринятые границы, чем вызывает соответствующую отрицательную оценку.

Идеи ограничения, принуждения лица отражены также в существительных *хомут*, *вожжи*, *узды*, *упряжка*, *шоры*, *путь* и др., служащих в прямом значении названиями элементов упряжи.

Так, лексема *упряжка* обозначает средства ограничения свободы какими-либо обязанностями, связями, в которые включено то или иное лицо. В составе некоторых сочетаний (типа *быть*, *ходить*, *находиться в одной упряжке*, *в упряжке с кем-либо*) она выражает идею вынужденного сосуществования нескольких лиц, чаще всего равноправных по отношению друг к другу, например: *Вообразите себе мужа деятельного, энергичного..., который любит путешествовать, веселиться,— и впрягите его в одну упряжку с флегматичной, вялой, медлительной женой...* (А. Моруа); *...У Булгакова в муках выкристаллизовывалась сквозная тема всех будущих лет — возвращение церковного христианства «в общую запряжку истории»* (И. Роднянская).

Лексемы *хомут*, *игло* (как и примыкающие к ним по функции слова *ярмо*, *тягло*), *воз* символизируют не только зависимость, ограничение свободы лица, но и тяготы, обремененность какими-либо обязанностями, например: *Судьба запрягла Ивана опять в трудовой хомут* (Г. Успенский); *Нас называют анархистами — за то, что мы не признаем игла капиталистов* (А. Солженицын); [*перед женитьбой*] — *Э-эх, отыгралась... отвистела жизнь! Теперя до самой смерти в тягло...* (В. Астафьев).

Лексема *вожжи*, сочетание *бразды правления* являются символическим наименованием власти, указывают средства управления зависимым лицом. Ср. семантику сочетаний *держать вожжи в руках, прибрать вожжи к рукам, принять бразды правления, собрать вожжи, натянуть вожжи, распустишь и ослабить вожжи*, часто используемых для характеристики разных проявлений властных функций.

Слово *узды* является часто символом сдерживания, ограничения свободных проявлений, например: *Вот опять бога помянул. А ведь сам в душе-то знает, что это лишь пугало для людей, узды невидимая* (В. Астафьев); *...общество битком набито такими женщинами, которых решетка тюрьмы, то есть страх, строгость узды... уберегали от факта* (А. Кони).

Лексема *шоры* функционирует как символ средства ограничения полноты восприятия, например: *Воспитанный на Тургеневе, Гончарове, лучших творениях Писемского и Мельникова-Печерского, Анатолий нетерпеливо рвался в университет — к учебе без шор, инспекторского догляда...* (Г. Миронов, В. Миронов).

Лексема *кнут* символизирует средство жесткого, исключительно насильственного принуждения. В этом значении, как и в прямом, она коррелирует со словами *хлыст, бич* и др., например: *Тогда широко применяли практику кнута и пряника* (К. Назаров); *Появление в «Правде» статьи «Диктатура, где твой хлыст?» ...открывает отставив право на независимость мнений от господствующей идеологии* (М. Горбаневский).

Лексема *путы* служит символом ограничения развития, деятельности, например: *Замысловата была его позиция... пустить буржуазию в правительство, перевязав ее левыми путями, и тут же начинать против нее всенародную борьбу...* (А. Солженицын).

Итак, данная метаморфическая категория характеризует:

1) лицо: а) наличие/отсутствие ограничивающих начал в его поведении: *обузданный — необузданный — разнузданный* и др.; б) отношение «подчиняющий — подчиняемый»: *ямщик — лошадь, тройка; всадник — конь* и т. п.; в) вынужденное сосуществование с другим лицом: *быть в одной упряжке* и др.; г) поведение в условиях ограничения: *идти на поводу — встать на дыбы* и др.;

2) акт наложения/снятия ограничений: *надеть узду, обуздать — снять узду, разнуздать* и др.;

3) разные виды ограничения, связанные с частичным или полным лишением свободы, распространяющиеся на разные стороны жизнедеятельности лица: *запрячь, оседлать, зашорить, стреножить* и др.;

4) разные типы насильственного побуждения: *понукать — пришпоривать* и др.;

5) средства ограничения или принуждения: *узда, вожжи, хомут, шоры, кнут* и др.

Названные аспекты характеристики лица, включенного в систему социальных связей, определяют основные контуры семантической структуры метафорической категории «лошадь — человек», выражаясь лексическими средствами ассоциативно-семантического поля ключевого слова *лошадь*. Данная метафорическая категория, благодаря уникальности исходного денотата, организующего данный лексический массив в единое поле, располагает богатым специфическим потенциалом. Исследуемый образ занимает в языковой картине мира особое положение (ср. семантико-ассоциативный потенциал названий других животных: *корова, собака, лиса, волк* и т. д.), представляя собой органическое средство многосторонней характеристики лица в системе широких социальных связей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1986.
2. Покровский М. М. Избранные работы по языкознанию. М., 1959.
3. Словарь русского языка: В 4 т. М., 1985—1988.
4. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1986.

Т. 2.

Функциональная семантика слова. Екатеринбург, 1994

Е. И. КОРНИЛКОВА
Уральский педуниверситет

ТИПЫ КОНТЕКСТОВ, МОТИВИРУЮЩИХ ОЦЕНОЧНЫЕ СМЫСЛЫ ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Исследуются контекстные закономерности образования оценочных значений у относительных прилагательных, выделяются варианты семантики, связанные с актуализацией семантических и ассоциативных признаков базового существительного, и вторичные значения, характерные только для определенных групп прилагательных.

Отсубстантивные прилагательные с исходным относительным значением, развивающие вторичные качественные, требуют особого внимания к анализу типов контекстов, необходимых для актуализации и наведения оценочного компонента значения.

Оценочность — один из показателей перехода относительных прилагательных из разряда идентифицирующих в разряд предикатных слов (по терминологии Н. Д. Арутюновой) [1]. Оценочное значение понимается нами только как «положительный» или «отрицательный» знак, приобретаемый словом или проявляющийся в слове в некоторых контекстных условиях.